

Учитель роботов

Я сидел и кушал борщ. Радио просто разрывалось от входившего в него новостного скрипа. Новости, словно бензопилой, елозили по ушам, оставляя неизгладимое впечатление начищенных лыж.

Впрочем, было важно даже не это: мне предстояли в ближайшее время нелёгкие и, наверное, даже жаркие дни, ведь, как сказал диктор, на Ганимеде снова обострилась ситуация с роботами-сепаратистами, вышедшими из-под контроля. Роботы требуют подписания декларации освобождения и суверенитета, и уже взяли в плен несколько тысяч заложников. Конечно, кого они могли взять в плен на спутнике Юпитера, если там совершенно нет людей, радио не сообщало, но факт оставался фактом - бунтуют, бунтуют роботы, это дело недёзя было так оставлять. Я же...я же их Учитель, не могу же так просто взять и бросить своих роботов, вся ответственность за них лежит на мне.

Пообщав борщиком, я зашёл в 3D-комнату со множеством всяких всевариативных экранчиков, нашлёпков, проводков, разных нейроинтерфейсных выходов и входов. И следующим моим действием было погружение во множественность множественностей зрительных каналов, прокладываемых от Земли до Ганимеда и демонстрирующих в форме расщеплённого фасеточного разума зрительную картинку с окуляров камер каждого из роботов. Картинка двигалась, переворачивалась, расходились волны. Я был одновременно везде и был одновременно нигде, как будто бы разум, расщепившись, взорвался на миллионы миллионов осколков и, разлетевшись, стал разумом робота, но роботу всё же не принадлежащим, хоть и следящим за ним.

Это было просто необычайно. Ах, если бы я мог, если бы я только мог продиктовать им часть своего крошечного в своём делении на все электронные машины разума, он же будет, наверное, не больше мушиного, думается, в этой огромной нейросети, протянутой между моим собственным мозгом и операционными системами всех вот этих вот человекоподобных машин. Дальше обстоятельства затянули меня в какой-то странный и необычайный водоворот, вероятно, нужно было просто прилететь на спутник Юпитера Ганимед и происследовать обстановку непосредственным образом. Но я же всего лишь учитель роботов, даже бойцовскими качествами не обладаю, как же с ними со всем справлюсь.

Однако тут ко мне подошёл генералиссимус из Министерства Нанотехнологий, профессор Института Искусственного Интеллекта и

почётный корреспондент Академии Вентильных Наук в одном лице, уверенно положив руки ко мне на плечо. “Это долг Родине!” - сказал он. - “Так отдай же его с честью, смело и негибаемо! Мы в тебя верим!” Он слегка толкнул меня в грудь, и после этих его слов ничего уже действительно не оставалось, кроме как лететь на Ганимед.

При приближении к планете я заметил, как по её поверхности переливается какая-то странная живая масса. Присмотревшись, мне удалось понять, что масса была вовсе не живая, а это просто многочисленные роботы, над которыми я, как бы нависая, надзирал, в режиме реального времени, переходят с места на место, отпочковываются и перепочковываются, изоморфно переливаясь в едином железном месиве, покрывая практически всю поверхность планеты своими рудодобывающими способностями.

Достаточно глубокие и неоднозначные мысли вызвала во мне такая непривычная и отталкивающе-недоступная на вид поверхность планеты, которая пузырилась, как будто бы была огромным экраном, показывающим гейзер под большим увеличением, превращаясь в трёхмерную модель всевидящего ока, взирающего куда-то в телескопические глубины Вселенной. Таким был мой Ганимед, радостный спутник техноколонии.

Я спустился в поверхностные слои атмосферы спутника с таким звуком, как будто бы резал слойку, рулет или лимон. И вот это вжиканье, эхом отразясь в разных слоях атмосферы, перешло в постоянное дребезжащее вибрационное жужжание в самом нижнем из этажей, возле которого кораблик мой стал нагреваться. Оттуда и необходимо было провести трансляцию, передав, таким образом, часть себя единой массе киборгов.

Закрепившись в 3D-шкафу иллюзий, смонтированном как раз для подобных случаев на шаттле, я почувствовал, что тот связующий центр, который притягивал свои трубчатые кольчато-золотистые гиперпроводники разума до электронных мозгов восставших роботов, вот этот самый центр неожиданно исчез. Мой разум существовал одновременно во многих измерениях и, переходя из формы в форму, становился всё более и более диссоциированным. Этот разум видел каждое и всё сообща - и это было очень и очень странно. Тогда было принято решение о воссоздании связующего центра, ведь невозможно же было протягивать нити гиперпроводников из ничего. Вот и не хотелось их тянуть из ничего, но лучшим сопоставлением была пчеломатка или вообще что-нибудь такое из коллективных насекомых, ведь, если уж я не мог воссоздаться в виде человека теперь, то меня

хотя бы можно было бы синтезировать, как какую-нибудь гусеницу.

И именно из-за того, что электронные механизмы были такие же, как муравьи, и могли вырабатывать разнообразные органические соединения, такая возможность воссоздания тела Учителя роботов действительно существовала, но они не могли собрать при этом истинного человека, потому что действовал, не прекращаясь ни на миг, основополагающий принцип: они могли собирать нечто, устроенное не сложнее самих себя - либо как они сами, либо то, что проще них. А собрать то, что сложнее них, они не могли: для этого нужно было обладать истинным интеллектом, а не его искусственным заменителем.

Человек, будучи более сложным созданием, конечно же, чем робот, не мог по этой самой причине быть воссоздан роботом, но, с другой стороны, гусеница, конечно же проще, чем робот, и поэтому роботом воссоздана быть может. Итого, я избрал, будучи коллективом роботов, форму, напоминаящую чем-то тутового шелкопряда. Конечно, тутового шелкопряда-то они бы могли сделать. Сразу было ясно, что это знак. Они бы все были подобны моим собственным муравьям, а я мог бы быть таким розовато-механическим мозгом, прилипшим к планете, став её разумом, лежать и указывать, каким образом и что может быть переделано.

И роботы в этот самый момент начали свой синтез. Их электронно-металлические жвала раскрывались, из них выдвигались целые лаборатории, а в лабораториях производилось создание самых многообразных соединений веществ и соединений. В конечном счёте, черед дошёл даже и до некой эмулированной симуляции всей тотальной сложности внутреннего обустройства гусеницы.

Когда я, наконец-то, сумел открыть свои глаза, то увидел, что представляю собой огромное зелёное склизко-червеобразное существо с очень толстыми боками и имеющее высоту примерно пятиэтажного дома длиной в половину улицы. На передней части меня было вполне себе человеческое лицо. Оно было малость приплюснуто, точно бы блинчиком каким, а из него топорщились круглые, почти что рыбы глаза, и большой жабообразный рот. Я чихнул - и тут роботы принялись усердно расползаться по всей планете.

Слудующей мыслью была идея о том, а почему бы не взять и не построить мост обратно до Земли? Если сложить всех коллективных киборгов, то они смогут создать туннель как раз от Ганимеда до Земли, по которому моё осознание может вернуться на родную планету, ту самую, с которой мы все и приходим. А дальше нужно было действовать уже по обстоятельствам: когда роботы оказывались на

Земле, а это был один из основных их принципов, то они всенепременно принимали другой полиморфический облик, поскольку вообще сами по себе и во всём поддерживали принцип объектно-ориентированного программирования. В их морфящейся околочеловеческой форме электронные машины были уже настолько сложны, что практически повторяли людей, поэтому оказывались, следуя собственному базовому закону синтеза, способны производить биотехнологических людей, не бывших на Земле более сложными, чем земная полиморфная форма киборгов, способная и к синтезу биороботов, которыми эти киборги уже на тот момент являлись, по факту.

Мой план сорвал один сорванец, этакий каналья. Он пришёл ко мне-гусенице и говорит, что не выполнил ни облицовку помещений, ни околовку планеты, ни проверку сцепления, ни приёмо-передаточных механизмов, что он также не прошёл ни один из тестов, что он не ожидал ничего узнать, что он вообще здесь ни при чём, и что в нём, конечно же, течёт родовая кровь герцогов и герцогинь - ну и всё прочее в подобном же стиле. Я подумал, что этот нехороший киборг может стать хардкорной помехой всем моим планам выстраивания цепи до Земли. Но если его просто устранить, то цепь может нарушиться, с другой стороны, принять его функциональность означало деление на меньший общий знаменатель. Это было бы не слишком разумно.

После этого я вознамерился в бытность гусеницей создать всё-таки канал. Но что же нужно было бы делать с этим канальей? Ну и решена была проблема крайне просто: робот был разобран по микроскопическим запчастям, которые были переданы остаткам движущегося планетарного разума, то есть всем исполнителям, дабы детали равномерно распределились в добавочную ценность каждого из оставшихся в живых роботов. Таким логичным образом, общий знаменатель не только не был понижен, а наоборот, даже был повышен, весьма и весьма немало, к слову сказать.

Разделившись разумом по киборгам, я выстроил-таки туннель, но когда удалось спуститься на Землю, то Земля уже давно не была прежней, скорее напоминающая обликом внешним и внутренним берлогу полярного медведя. Прогуливаясь по поверхности под полузамороженными облаками я обрадовался: хорошо, что киборги меня недосинтезировали человеком, ведь все те, кто были просто людьми, а не были полулюдьми-полукиборгами или просто биороботами, очень быстро здесь все окоолели. По небу здесь запросто можно было ходить: оно поднялось фонтанами всех океанов планеты от

собственной поверхности до вершин Гималаев и, взорвавшись по всей шарообразной форме окаймления стратосферы, приняло форму гигантского ледяного навеса, как бы от дождичка, да только его здесь, в действительности, и быть-то уже не могло - так, какие-то ледышки одни.

А дальше пришло понимание, что моё везение было пирровой победой только оттого, что вокруг не осталось ни одного робота, которые бы способны были служить, ибо все они стёрлись в прах, пытаясь передать меня на эту замёрзшую планету Земля, но не осталось здесь и ни одного человека, который бы мог преклоняться перед моей гусенично-кибертуговой идольно-лампадной псевдосвятостью со всем столь характерным для человечества услужливо-прислужливым гнусным низкопоклонством раба выдуманных богов и божков, снимающих с людей не только ответственность за происходящее вокруг, но и подробно и тщательнейшим образом инструктирующих, как перестать понимать хоть что-то, заменив первобытно-древнюю естественность понимания кубиками догм, чувства - страхами, сомнениями и обидами осуждений, а всю свою жизнь - лишь последовательно исполняемым и непрестанно повторяемым набором однотипных и довольно бессмысленных алгоритмов, делающих жизнь таких людей напрочь лишённой смысла, создавая лишь мираж восприятия, смысла или ощущения там, где блуждают лишь призрачные огни бесконечно состыковывающихся калейдоскопов отражений, проросших тысячелетними дубами сквозь сердцевину человеческого естества.

Здесь мир подошёл уже к своему завершающему этапу существования. Я же остался - последний намёк на существовавшее когда-то на этой планете человечество: единственный полуразумный робот из человеческой цивилизации на всю Вселенную. Тут перед глазами что-то удивительно замельтешило, замигало и появилась надпись: "Game Over".

Я с большим трудом задрал голову вверх, посмотрел на затёкшие руки и ноги. Это было просто невероятное ощущение: вновь чувствовать своё тело таким, каким оно когда-то появилось на свет - действительным, а не виртуальным. "Неужели так быстро? Всего за два-три месяца всю игру прошёл. Теперь опять надо включаться в мир. Ну воооот. Или ещё какую-нибудь новую игру поискать, чтобы ещё этак месяца на два-три, а там - хоть бы и до самого Апокалипсиса их проходить", - так подумал я и вышел по двор.

Облетала последними лучами обрзгших пожелтевших листьев

поздняя промозглая осень. Единообразие серых нависающих домов до самого горизонта давило, успокаивало и потрясало одновременно. В этих самых одинаковых бункерах безразличия, по собственной воле отрываясь от процесса жизни и покинувшие раньше назначенного им срока мир и не сражающиеся ни за что кроме их воображаемых пространств, значащих для них гораздо больше того, что было прозвано настоящим, эти люди проводят весь свой довольно конечный период существования в виртуальных мирах, и в виртуальных же мирах формируются их навыки и стороны жизни. Я - не исключение здесь. Я шёл.

Всё вокруг рассыпалось. Белели костями дюралюминиевых каркасов и серели мышами бункеры людей, как радиацией пробиваясь сквозь толстенные стены и прибитые плиты. Можно было было никуда не идти. Всё равно так не придти никуда. А я, тем временем, продолжал идти. Вдруг всё же получится куда-то придти?

*Белусов Роман,
11 августа 2015 года*